

Анна Онихимовская — известная польская писательница, автор множества популярных книг для детей и подростков. «День шоколада» — светлая и трогательная история о дружбе двух детей, Давида и Моники. Эта книга получила награду на литературном конкурсе Астрид Линдгрэн в Польше и стала основой для сценария одноимённого фильма, вышедшего на экраны в 2018 году.

Особое очарование книге придают иллюстрации всемирно известной польской художницы Эмилии Дзюбак.

УДК 82-053.2
ББК 84(4)
058

Печатное издание для детей младшего школьного возраста

Серия «Бестселлер для детей»

Анна Онихимовская

ДЕНЬ ШОКОЛАДА

Перевод с польского Мадины Алексеевой

Художник Эмилия Дзюбак

Подписано в печать 20.03.2020. Формат 84×108/16. Печ. л. 3,5.
Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Стрекоза».
Россия, 107014, г. Москва, ул. Стромынка, д. 11, этаж 2, пом. IX, ком. 11.

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822)44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) – sales@tverpk.ru
⌘

Для реализации:
Россия, 107014, г. Москва, ул. Стромынка, д. 11.
E-mail: info@strecoza.ru
Сайт: www.strecoza.ru

Подпишитесь на нас в **Instagram**:
https://www.instagram.com/izdatelstvo_strecoza/

Страна-изготовитель: Россия
Дата изготовления: апрель, 2020
Изготовитель: ООО «Издательство «Стрекоза»

ISBN 978-5-9951-4410-6

Original title: Dzień czekolady
© copyright by Anna Onichimowska
© copyright by Wydawnictwo Literatura
All Rights reserved
© Перевод. М. Алексеева, 2020
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Стрекоза», 2020

Анна Онихимовская

День шоколада

Художник Эмилия Дзюбак

День танца

Когда я впервые её встретил, на ней была юбка из узких разноцветных ленточек, приделанных к пояску. Ничего подобного я раньше не видел.

— Ты знаешь, что это юбка танцовщицы хула¹? — спросила она. Я покачал головой. — Мне её бабушка прислала. Она тоже танцовщица хула.

От зависти я даже вздохнул.

— Танцевать надо как-то так... — Девочка начала покачиваться и крутить попой, а ленточки с шелестом порхали вокруг неё.

Мне тоже захотелось покружиться, но без юбки было совсем не то, поэтому я просто смотрел.

— Меня зовут Моника, а тебя? — спросила она, подскакивая на одной ноге.

— Давид, — буркнул я в ответ.

— А кот у тебя есть? — Она всё время двигалась, не в силах устоять на месте.

— Нет.

¹ Хула — традиционный гавайский танец (здесь и далее — примечания переводчика).

Девочка внезапно остановилась, ленточки её юбки печально опали.

— Сегодня я видела в твоём саду чёрно-рыжего кота с белыми ушами. Чей тогда он, если не твой?

Я пожал плечами. Мы только что познакомились. Не мог же я сразу рассказать ей, кем был этот кот, а точнее кошка. Всё и так слишком странно, даже для меня самого.

— Я теперь буду жить здесь. Рядом с тобой, — она показала на жёлтый домик, в котором, насколько я знал, жили какие-то две женщины.

«Это хорошо», — подумал я и улыбнулся ей.

День дождя

Меня разбудил стук дождя по жестяной крыше. Я чувствовал, что уже утро, но открывать глаза мне не хотелось. В голове бродили обрывки сна. В нём я сидел по-турецки на огромной черепахе, которая качалась на волнах. Где-то далеко впереди виднелся остров. Мы приближались к нему со стремительной скоростью. Под одинокой пальмой я всё отчётливее различал подпрыгивающую в такт дождя фигурку. На ней была юбка из узких разноцветных ленточек.

— Моника! Моника! — закричал я, но, должно быть, она меня не слышала.

— Это её бабушка, — проворчала черепаха и приготовилась нырять.

«Я же не умею плавать», — испугался я и... оторвал голову от подушки.

Я распахнул окно. Дождь пах лугом, грибами и мокрой шерстью. Из трубы жёлтого дома поднимался дым — так невысоко, словно тяжёлые тучи заталкивали его обратно. Девочка в голубом плаще раскачивалась на высоких качелях. Я мог поклясться, что ещё вчера этих качелей здесь не было.

— Они упали в наш сад вместе с дождём, — сказала Моника, когда я подошёл к её забору. — Ночью. Садись, если хочешь...

И она остановила качели.

Калитка скрипнула, и через мгновение я уже брёл по густой траве к Монике. Я сел рядом с ней на широкую доску, подвешенную на толстых верёвках. Стоило мне взглянуть вверх, как у меня закружилась голова, — качели крепились к самой высокой ветке сосны.

Мы раскачивались и взвизгивали — немножко от страха и немножко от радости. И вдруг я замолчал от удивления.

На яблоне сидела кошка. Я не видел её ни вчера вечером, ни сегодня утром и уже начал беспокоиться.

«Я наполнил твои мисочки. Они там же, где и обычно... — произнёс я про себя. — Ну зачем ты мокнешь? Спрячься на веранде».

Моника проследила за моим взглядом, но кошку, кажется, не заметила. Она перестала махать ногами, я тоже, и качели остановились.

Потом мы искали шампиньоны на лугу, и я рассказывал Монике свой сон.

День гнева

Мне нужно было просто знать, где она, чтобы не волноваться.

— Почему ты зовёшь её Зузя? — нервничала мама.

Зузя. Так звали мою сестру. Пока она не ушла навсегда. Никто никогда не говорил «умерла», хотя все имели в виду именно это.

Если б я знал, что меня кто-то слышит, то не стал бы подзывать незнакомую кошку. В том, что это была кошка, а не кот, я не сомневался.

Маме я тогда ничего не ответил, да она и не настаивала. И только гораздо позже, помогая ей лепить вареники со сливой, я объяснил:

— Если у кота шерсть трёх цветов, значит, это девочка. Ты знала?

— Девочка?! — мама нахмурила брови.

— Ну то есть кошка... — нехотя исправился я.

Зря я снова об этом заговорил, потому что мама вдруг рассердилась:

— Я закрываю глаза на то, что ты его... её... прикармливаешь. Но я запрещаю тебе так её называть. Понял?! — Она резко отвернулась и выбежала из кух-

ни, уронив сахар и корицу, которые мы только что собирались насыпать в сливы.

Тут уже рассердился я. Да так, что сбросил на пол все вареники: и те, что с начинкой, и пустые. Я стал топтать их ногами, пока они не превратились в липкую массу. Ну а потом я поскользнулся на ней и ударился локтем о табурет. Когда мама вернулась, я сидел на полу, слизывая с руки кровь и ошмётки слив.

— Господи, — тихо произнесла она, а потом расплакалась.

И я вместе с ней.

